

Отзыв официального оппонента

о диссертации Ольги Николаевны Патраковой

«Сюжет о “Спящей красавице” во Франции и России: от фольклора к литературе и балетным либретто», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2. Литературы народов мира

Диссертационное исследование О. Н. Патраковой выполнено в русле актуальных для современного литературоведения тенденций обращения к разным теоретическим парадигмам. Исследователь использует как классические (культурно-исторический, компаративистский, семантико-стилистический), так и новейшие методы и концепции – обращается к понятию «réécriture» («переписывание»), к понятию трансфикциональности, интермедiallyму и трансмедiallyму подходам, что позволило осуществить глубокий всесторонний анализ трансформации фольклорного сюжета в литературный статус и далее в невербальную его реализацию в балете. Сам изучаемый сюжет широко известен и очень привлекателен – кто не знает волшебную сказку Ш. Перро и балет на музыку П. И. Чайковского? Тем увлекательнее следовать за автором работы, всесторонне и досконально рассматривающим длительный и сложный путь бытования и трансформаций знакомого сюжета от возникновения до его перевоплощений в последующие века.

Работа логически начинается с подробного исследования истоков сюжета в мифологии, фольклоре, в ранних европейских письменных памятниках. Выявлено положение сюжета в ключевых системах классификаций народных сказок и установлено его неоднозначное положение, поскольку существует много совпадений, так же как и отклонений, по различным сюжетным линиям. Однако есть две константы: сон/смерть героини и ее спасение персонажем мужского пола. Очень подробно прослежена взаимосвязь понятий сна и смерти – ключевого момента изучаемого сюжета. Связь этих двух мотивов имеет древнее происхождение – о чем свидетельствуют мифологические сюжеты, библейские тексты. Вдумчивый и добросовестный исследователь, О. Н. Патракова, обращается к источникам мотивов и выделяет два основных направления – мифологическое и антропологическое. В мифологических толкованиях тема сна и пробуждения связана с представлением о смене

времен года, о круговом движении времени. Антропологическая интерпретация основана на близости мотивов сна и смерти с обрядом инициации. Автор работы приходит к выводу, что эти две трактовки не противоречат друг другу, их сущность идентична: в обоих случаях речь идет об осмыслении процессов умирания и воскрешения, при этом мотивы сна и смерти, как пишет автор, «неотделимы» (с. 35). Последнее утверждение вызывает некоторые вопросы. Автор исследования полагает, что в контексте рассматриваемого сюжета эти два понятия – сон и смерть – идентичны: равно можно говорить о сне, или о смерти, «которая в итоге оказывается сном» (с. 36). Действительно, как убедительно показывает автор работы, мотивы сна и смерти тесно связаны, но все-таки, думается, нельзя поставить между ними знак равенства. Отметим, что и в греческой мифологии Танатос и Гипнос являются братьями, но между ними есть, как мы понимаем, серьезное отличие. Представляется, что это различие ощутимо и при сопоставлении двух вариантов народной сказки – французской и русской. Во французской традиции бытует понятие «уснувшей», «спящей» героини. Сон, пусть и долгий, подразумевает пробуждение. В русской традиции речь идет об «умершей» героине. В подробно разобранный в диссертации сказке «Волшебное зеркальце» из сборника А. Н. Афанасьева рассказывается о «мертвой девице», о ней сказано «сделалась мертвою». Смерть неумолима, но в сказке свершается чудо воскрешения. Интересно, встречается ли в иных изводах русской сказки образ не мертвой, но уснувшей героини? Любопытно, можно ли в определенной степени видеть национальное своеобразие в этом различии? Антитеза «мертвая царевна» / «спящая царевна», именно как два разных варианта изложения сказочного сюжета А. С. Пушкиным и В. А. Жуковским в плане противопоставления русской сказки (вариант Пушкина) «переделке» европейской (немецкой) сказки (вариант Жуковского), рассмотрена в работе С. В. Скачковой (Березкиной) («Сказки В. А. Жуковского: (Генезис, источники, жанровое своеобразие)», 1985). Трудно судить, насколько это бесспорное положение, но оно примечательно. В диссертации отмечено указанное наблюдение С. В. Березкиной и пояснено, почему сказка Пушкина не вошла в исследуемый основной материал: формально она относится к иному сюжетному типу («Белоснежка») (с. 155). Анализ сказки Пушкина не входил в задачу исследования, но я позволила себе обратиться к пушкинскому материалу, поскольку эта тема может представить О. Н. Патраковой интересный материал для дальнейших наблюдений. Речь идет об авторских переложениях сказки, где возможна иная картина, нежели в народной традиции. Тут главенствует воля автора. Для Пушкина, несомненно, релевантным был сюжет о «мертвой царевне».

Дело в том, что в поэзии Пушкина есть целый ряд произведений, где воспевается «мертвая возлюбленная» («Как счастлив я, когда могу покинуть...», «Для берегов отчизны дальней...», «Заклинание» и многие другие). В этот список, безусловно, входит и «Сказка о мертвой царевне» (сюжету о «мертвой возлюбленной» посвящена специальная работа – *Муравьева О. С. Образ «мертвой возлюбленной» в творчестве Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1991. Вып. 24.*). Однако, очевидно, для Пушкина «мертвая возлюбленная» связана с русской фольклорной традицией: примечательно, что в сделанной им записи народной сказки «Царевна заблудилась в лесу...» читаем: «Царевич влюбляется в труп». В указанной работе О. С. Муравьевой замечено, что для Пушкина образ девушки «с бледной красой» становится воплощением образа «русской девы» и в определенном смысле «русской музыки».

Скрупулезный всесторонний подход исследователя к изучаемому материалу позволил диссертанту сделать целый ряд как кардинальных, так и частных, глубоких наблюдений. Так, в ходе анализа французской народной сказки отмечено следующее: главная героиня большую часть повествования бездействует, она не совершает активных поступков, не борется с антагонистом, и возникает «определенная функциональная лакуна», которая является одним из побудительных мотивов дальнейшего распространения и развития сказки, поскольку эта лакуна – «семантическая недостача» – требует заполнения новыми темами, обусловленными новыми запросами времени и места (с. 45–46). Анализ текстов ранних литературных памятников (новеллы-вставки из романа «Персефорест», окситанского сочинения «Братец-радость и Сестрица-удовольствие» и неаполитанской сказки из сборника XVII в. «Сказка сказок» или «Пентамерон» Дж. Базиле «Солнце, Луна и Талия») демонстрирует, каким образом «переписывались» фольклорные повествования, какими были формы бытования сюжета в средневековый период. Сделаны тонкие наблюдения над актуализацией фольклорного нарратива – сюжет вплетается в ткань иного жанрового текста, приспособляется к эталону эпохи, в результате чего обновляются стершиеся мотивировки, фольклорные традиции соединяются с куртуазными элементами, волшебные действия сочетаются с историческими бытовыми деталями. Сюжетное ядро при этом сохраняется. Автор справедливо замечает, что первые письменные фиксации сюжета не стали широко известны, но сыграли роль «своеобразного моста» (с. 78) от фольклора к ярким авторским инкарнациям в мировой культуре.

Общемировую известность «Спящей красавице» принесли два главных произведения – французская сказка Ш. Перро и русский балет П. И. Чайковского, М. И. Петипа и И. А. Всеволожского. При анализе источников сказки Перро сделано важное наблюдение о возможности влияния народной сказки «Заснувшая красавица», записанной позже появления сказки Перро, но, очевидно, она могла быть известна писателю в устной форме (с. 98). Перро, стремившийся «возвысить» низкий жанр сказки, в знаменитом споре «древних и новых», стремясь подчеркнуть, что, в отличие от античных сказок, новая сказка нравственнее, вводит в текст «моралите» – назидательную поэтическую сентенцию. Тут сделаны очень интересные наблюдения над сутью и особенностями моралите Перро. Эти наставления построены таким образом, что сначала вводится поучительное рассуждение, связанное с сюжетом, но затем ироническим замечанием оно опровергается (с. 127–131). Очень продуктивно сравнение моралите Перро с моралите сказок его современницы Мари-Катрин д'Онуа. Поводы обращения к жанру сказки для обоих авторов идентичны: они отстаивают свою позицию в споре «древних и новых». Однако когда в своих моралите мадам д'Онуа рассуждает о противостоянии разума и чувства, она, как отмечено в работе, имплицитно критикует моралите Перро, призывая читательниц всегда в своих действиях руководствоваться умом. Под ее пером впервые в фольклорно-литературной традиции бытования сюжета в сказке появляется героиня не просто красивая и талантливая, но способная справляться с различными испытаниями, совершенствоваться духовно, самостоятельно избирать свою судьбу.

Существенные выводы сделаны в диссертационном исследовании О. Н. Петраковой при анализе понятия «сказочный хронотоп». Сказочное время и пространство у Перро рассмотрены в контексте соотношения феерии и реальности. Включение в текст маркеров реального мира снижает тональность повествования, но это не минус, а плюс. Детали хронотопа и образы персонажей придают сказке особый колорит и стилистику, наполняют повествование новыми семантическими слоями и новой моралью. Возражения О. Н. Петраковой исследователям, критически оценивающим переплетение феерии и реальности в рамках одной сказки, представляются очень верными – такое смещение создает дополнительные семантические акценты, добавляет новые тональности, отсутствующие в мифологических историях. Привнесенная в сказку шутовская тональность, определенная отстраненность автора (нарратора) от всем известного сказочного сюжета

создает тот «шарм», который и является залогом продолжающегося бытования сказки.

В контексте русской литературы в работе обоснованно анализируется сказка В. А. Жуковского «Спящая царевна», отражающая романтические эстетические взгляды автора. Через сравнительный анализ четырех текстов (сказки Перро, сказки братьев Grimm в классическом переводе и двух вариаций сюжета у самого Жуковского) О. Н. Патракова прослеживает путь становления и развития замысла русского поэта, выделяет ключевые парадигмы, важные для его интерпретации сюжета. Отмечено, что Жуковский, заимствовав сюжетную схему, близкую к немецкому варианту, обращается тем не менее и к сказке Перро, что проявляется главным образом в сходстве «переписывания» истории, в том, как он стремится наделить существующий «функциональный каркас» «телом и духом», отражающим собственную эстетическую концепцию.

Несомненная новизна диссертации заключается в обращении к ранее не исследованным вариациям сюжета. Это в полной мере относится к заключительной третьей главе, посвященной трансмедиальному переходу сюжета в сферу балетного искусства. Мы узнаем, что балет о спящей красавице Петипа, Всеволожского и Чайковского не был первым. Первым в истории балетом, нарративной основой которого послужил исследуемый сюжет, стал французский спектакль в жанре «балет-пантомима-феерия» «Красавица спящего леса» («La Belle au bois dormant»), либретто которого принадлежит перу драматурга Огюстена Эжена Скриба. Сохранившаяся вербальная основа спектакля (текст его либретто) позволил хотя бы частично восстановить и проанализировать замысел авторов, понять, как именно фольклорно-литературный сюжет о «Спящей красавице» трансформировался при его первом переходе в искусство балета. Классический сюжет претерпел серьезные изменения, изменилась медиальная, а отчасти и жанровая принадлежность. Стершиеся уже в литературных вариациях сюжета сакральные (мифологические или инициатические) мотивировки, здесь окончательно «десакрализованы». Произошел не только трансмедиальный и трансжанровый, но и трансфикциональный переход сюжета. Спящая красавица проживает иную жизнь, во многом не зависящую от всех ранних вариаций сюжета, но остается узнаваемым персонажем, то есть, как отмечает автор, пересекает границы фикциональных миров.

Ряд элементов этого спектакля перешел в последующую традицию и известен современному зрителю по балету «Спящая красавица» П. И. Чайковского, И. А. Всеволожского и М. Петипа. Подробно и серьезно в

работе О. Н. Патраковой проанализировано и либретто балета «Спящая красавица», не подвергавшееся до этого серьезному, внимательному исследованию. Здесь сделано много тонких наблюдений, например, о лексическом поле смеха, связанном со злой феей Карабосс (с. 219–220), или о танце главной героини с веретеном, который, как пронизательно заметила автор исследования, был затеян из кокетства, и потому укол веретеном – не просто роковая неизбежность, но и наказание (с. 221).

Следует отметить, что работа очень четко структурирована: не только в трех, составляющих работу, главах, но и в каждом разделе обозначены цели и задачи, в каждом случае приводятся выводы. Осуществленная на самом высоком научном уровне работа написана прекрасным языком – она очень легко читается. Некоторые встретившиеся шероховатости не снижают общего хорошего впечатления. К таким шероховатостям я бы отнесла, например, излишне, на мой взгляд, категоричную формулировку «метод работы» Ш. Перро с источниками (с. 100). Заимствования, реминисценции, влияния в литературном творчестве происходят во многом спонтанно, иногда даже, возможно, произвольно: употребленная формулировка кажется слишком прямолинейной. Не очень удачным представляется выражение «созревание» сказки (с. 56). Не совсем корректной выглядит фраза: «Бенуа назвал “Спящую” немецким термином...» (с. 223) – А. Н. Бенуа назван без инициалов, хотя до этого речь о нем не шла; конечно, понятно, о какой «Спящей» идет речь, но лучше привести полное название.

Впрочем, эти придирки не умаляют теоретическое и практическое значение диссертационного исследования. В приложениях к работе приведен богатый иллюстративный материал. Список литературы демонстрирует широкий объем учтенного и проанализированного автором диссертации материала (249 наименований) (к нему можно было бы добавить предисловие А. Ф. Строева к сборнику «Французская литературная сказка XVII–XVIII веков» (М., 1990)).

Положения, выносимые на защиту, являются оригинальными, обоснованными. Автореферат диссертации исчерпывающе отражает ее содержание. Пять статей, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, и дополнительные шесть публикаций дают полное представление о содержании диссертационного исследования. Совокупность научных результатов, полученных в ходе исследования, можно квалифицировать как серьезное научное достижение. Диссертация «Сюжет о “Спящей красавице” во Франции и России: от фольклора к литературе и

балетным либретто» соответствует пунктам 9–11, 13 и 14 Положения о порядке присуждения ученых степеней (утв. Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г.), а ее автор Патракова Ольга Николаевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки).

Кандидат филологических наук (10.02.05)
старший научный сотрудник Отдела пушкиноведения
Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
Дмитриева Нина Львовна

Адрес: 194021 Санкт-Петербург, 2 Муринский пр., д. 37, кв. 45
Тел.: 8-921-752-51-76
E-mail: ninalvovna@mail.ru
Официальный сайт организации: <https://pushkinskiydom.ru/>

Львовна

23.03.2026

